

П о л и т и ч е с к и е н а у к и

УДК: 316.3

С. И. Сулимов

(доктор философских наук, доцент)
Воронежский государственный университет
(г. Воронеж, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В данной работе рассматривается такая специфическая черта российской экспансии Нового времени как взаимодействие Церкви с монархией. Причём, это сотрудничество не всегда было равноправным и даже не всегда официально признавалось: в ряде случаев цари принимали решения, ориентируясь исключительно на политическую выгоду, а в других случаях, наоборот, поддерживали начинания духовенства.

Ключевые слова: миссионерство, Русское царство, Российская империя, православная Церковь, ислам в Поволжье.

S. I. Sulimov

(Doctor of philosophical sciences, associate-professor)
Voronezh state university
(Voronezh, Russian Federation)

INTERACTION OF RELIGION AND POLITICS IN THE PROCESS OF FORMING THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. This work considers such a specific feature of the Russian expansion of the Modern Times as the interaction of the Church with the monarchy. Moreover, this cooperation was not always equal and was not even always officially recognized: in some cases, the kings made decisions, focusing exclusively on political benefits, and in other cases, on the contrary, supported the undertakings of the clergy.

Keywords: missionary work, the Russian kingdom, the Russian Empire, the Orthodox Church, Islam in the Volga region.

В наши дни многие западные и отечественные исследователи всерьёз обеспокоены культурной (в частности, религиозной) экспансией восточных и африканских народов в Западной Европе. На самом деле такие опасения звучат сколь акту-

ально, столь и привычно. Ведь никакое общество не может уклониться от экспансии, то есть от расширения пределов своего влияния хотя бы потому, что оно функционирует, а значит, развивается и усложняется. Другое дело, что в основе экспансии могут лежать любые принципы, а не только религиозные или социальные. В данной работе мы попробуем выяснить, на каких принципах зиждилась русская экспансия в эпоху становления Русского царства и Российской империи, то есть в XVI-XVIII вв. Ведь определить факторы, некогда позволившие нашей нации создать самую большую державу в мире, значит, узнать, чего не хватает нашей стране сейчас, если она не может повторить опыт своего же прошлого.

Принципиально важно отметить, что любое общество по одному факту того, что оно функционирует и живёт исторической жизнью, является экспансивным. Под экспансией мы, опираясь на концепцию отечественного исследователя Б. Н. Шапталова, понимаем стремление общества оказывать определяющее воздействие на окружающий мир и в первую очередь на социальное окружение [13; с.17]. То есть экспансия – это вовсе необязательно прямая военная агрессия, но в том числе и экономическое проникновение, религиозный прозелитизм, социальное освоение (переселение и смешанные браки), пропаганда идеологии и т.д. Все эти виды экспансии далеко не всегда соседствуют в одном историческом событии. Одно и то же общество может быть крайне экспансивным в религиозном или политическом смысле, а экономически, наоборот, зависеть от соседей.

Мотивы русской экспансии, доминировавшие в российской политике Нового времени, сформировались в XV в., когда остро встал вопрос о политическом и культурном самоопределении Московской Руси. Именно в те годы формировалось учение о Москве как третьем Риме, а великие князья стремились разорвать вассальную зависимость от татар-мусульман. В начале XVI в. прп. Максим Грек, разграничивая степняков и мусульман, однозначно высказался против союза и даже добрососедских отношений как с номадами, так и с магометанами [6; с. 146-147]. Мнение святого имело немалый вес в глазах московской аристократии, и поэтому может показаться, будто русская монархия с первых лет своего существования заняла последовательную антиисламскую и антитатарскую позицию. Внешне это выглядело действительно так: великий князь Иван III взял приступом Казань и навязал хану Ильхаму протекторат, пусть и просуществовавший недолго. В XVI в. великий князь Василий III и царь Иван IV Грозный воевали с волжскими татарами так, словно видели в этой борьбе историческую миссию молодой России. Причём, борьба эта окончилась захватом Казани русскими войсками и ликвидацией татарской государственности в этом регионе.

Однако реальная международная политика проводилась московскими монархами гораздо более разносторонне, чем этого требовала официальная политико-религиозная доктрина «Москва – Третий Рим». Дело в том, что с XV в. Московское княжество воспринималось и поволжскими ханами, и их крымским коллегой, и да-

же османским султаном как легальный участник политического процесса в евразийской степи. Войны, которые князь вёл, к примеру, с казанским ханом, считались в Крыму такими же обычными политическими инцидентами, не имеющими никакого отношения к религии, как и стычки крымчаков с ногайцами. Более того, в правление великого князя Василия II Тёмного неподалёку от Рязани, в городе Касимов было искусственно создано Касимовское ханство. Современным татарским историкам льстит мысль о том, что опальные степные мурзы создали на русских землях собственную автономию и заставили князя признать её [8; с. 55-56], но реальная сущность этого политического образования гораздо затейливее. Дело в том, что московские князья создали на своей территории это марионеточное, полностью зависимое от их воли образование в качестве резервата для покинувших степь опальных татарских аристократов. В подходящий момент московский князь выдвигал на политическую арену того или иного мурзу из династий Чингисидов или Мангытов, словно шахматную фигуру. Если такому протезе действительно удавалось захватить престол в одном из ханств, то он стремился отблагодарить своего московского союзника [2; с. 182]. Однако Касимов, за доходы которого жили эти «московские татары», внешне отличался от остальных русских городов: в нём находились несколько мечетей, опальные мурзы и их воины носили татарскую одежду, говорили на родном языке, решали между собой вопросы по нормам шариатского права, а местное русское простонародье было обязано кланяться им. Впрочем, реальная власть в Касимове принадлежала княжескому, а затем царскому наместнику. Титул «касимовского царевича» за тем или иным татарским аристократом утверждался, опять же, московским монархом. По мнению православной Церкви, государь вёл опасную, двуличную игру с иноверцами, но с точки зрения политической целесообразности русский царь действовал гораздо эффективнее, чем его современник испанский король, так и не научившийся ладить со своими мусульманскими подданными. Неслучайно армию Ивана Грозного в её казанских походах поддерживали внушительные отряды касимовских татар, считавших русского царя своим государем в большей мере, чем казанского хана [8; с.229].

После захвата Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) и включения этих городов с бывшими ханскими территориями в состав России перед русской короной встал оригинальный, неведомый европейским монархам вопрос: каким образом строить отношения с неславянским и нехристианским местным населением? В Казани разыгралась не одна трагедия, включая разрушение мечетей и заключение ряда местных мусульман в нижегородскую тюрьму, где от них под страхом смерти требовали перехода в православие [3; с. 111]. Астрахань же стала для Московского царства выходом в Каспийское море, настоящими воротами в мир восточной торговли. Но эти ворота могли открываться лишь одновременно с обеих сторон: чтобы завязать выгодные коммерческие отношения с Персией и Закавказьем, русским

купцам и правителям требовалось хотя бы внешне забыть об антиисламской риторике и продемонстрировать веротерпимость. И московская корона пошла на беспрецедентный с точки зрения официальной доктрины «Москва – третий Рим» шаг: Астрахань де факто стала городом, открытым для представителей любых вероисповеданий. С одной стороны, в местном кремле высился Троицкий собор, а возглавивший Астраханскую епархию в 1602 г. епископ святитель Феодосий (Харитонов) тщательно следил за чистотой православной веры. Но, с другой стороны, Церковь опекала лишь русских переселенцев, никак не вмешиваясь в дела персидских и армянских купцов, татарских горожан и частых степных гостей-калмыков. Поэтому в Астрахани без каких-либо ограничений действовали мечети и армянские церкви, а в XVIII в. даже существовал индуистский храм [11; с. 283].

Иное положение дел сложилось в недавно присоединенной Казани и прилегающих к ней землях бывшего Казанского ханства. Здесь жило немало мурз, способных к организованному сопротивлению, а мусульманское духовенство убеждало татарских крестьян в незаконном, оккупационном характере царской власти. Ситуация усугублялась тем, что некоторые касимовские аристократы, сыгравшие деятельную роль в завоевании Казани, теперь пожелали остаться в Поволжье. Их личная лояльность не подвергалась сомнению, но именно присутствие этих мурз не позволяло короне объявить всех татар неблагонадёжными и проводить по отношению к ним соответствующую политику. Город и окрестности управлялись русским наместником, в столице для управления новыми территориями существовал особый приказ «Казанского двора», но все эти администраторы были вынуждены считаться с местными нравами и исламской религиозностью. В 1555 г. была учреждена Казанская епархия, первый глава которой святитель Гурий (Руготин) принялся ревностно проповедовать христианство среди татар, чувашей и мордвинов, предоставляя новообращенным туземцам налоговые и иные льготы. Именно благодаря деятельности Церкви удалось снять противостояние между русскими переселенцами и татарскими аборигенами, переведя его в плоскость лояльности государству (мятежники против законопослушных русско-татарских обывателей). Далеко не все татары проявили к православию интерес, ещё меньшее их число захотело принять христианство, однако в наши дни всё-таки существует небольшая народность татар-христиан, именуемая «кряшены» [3; с. 124-125]. Иногда антиисламская деятельность Церкви приводила к трагикомическим результатам. К примеру, архиепископ Лука (Конашевич), занимавший казанскую кафедру с 1738 по 1755 гг., под разными благовидными предлогами выселял мусульман из города, но он же уделял настолько тщательное внимание устройству духовной семинарии, что в короткий срок превратил её в образцовое учебное заведение. Губернатор привлёк иерарха к организации преподавания в казанской гимназии, куда архиепископ привлёк в качестве педагогов своих бывших сокурсников по Киевской духовной академии, к тому времени ставших профессорами [5; с. 152]. В результате этих мер казанская

гимназия стала одной из лучших в стране, а для преподавания в ней восточных языков был приглашён... образованный мусульманин Сагит Хальфин, сын и внук которого прославились как учёные-филологи.

В XVII в. был принят фундаментальный по важности правовой акт – Соборное Уложение 1649 г. Согласно этому документу, Русское царство объявлялось христианским государством, а любое преступление против православия, равно как и пропаганда среди христиан какой-либо другой религии, карались смертной казнью [9, с. 1]. Однако иноверцев запрещалось преследовать, хотя им и было отказано в одинаковых с христианами правах. Особую важность имела 70-я статья главы XX Уложения, согласно которой аристократам-иноверцам запрещалось владеть христианами-крепостными, а православным работникам не рекомендовалось наниматься к мусульманам. Этот закон поставил лояльных короне татарских мурз в сложное положение: теперь они не могли уравниваться в богатстве с русскими помещиками, потому что не имели постоянного содержания от крепостных и были вынуждены жить лишь на жалование, выплачиваемое от случая к случаю, за выполнение конкретных поручений. Превратить в крепостных крестьян-мусульман мурзы тоже не могли, потому что такой тип личной зависимости не был знаком татарам. В результате уже к началу XVIII в. аристократов-мусульман практически не осталось: многие из них перешли в православие и пополнили ряды российского дворянства, а остальные превратились в мещан, используя свои династически связи для занятия коммерцией. С этого момента какое-либо организованное антирусское движение среди татар стало невозможным.

До сих пор мы рассматривали российскую политическую экспансию в таком специфичном регионе как Среднее и Нижнее Поволжье, где ислам традиционно имел сильные позиции. И в этом противостоянии христианского государства с мусульманскими подданными Церковь сыграла роль влиятельного посредника, вопреки официальной доктрине не уничтожавшего иноверцев, а сглаживавшего социальные и правовые противоречия. Ещё более активной и удачной оказалась духовная экспансия Церкви в Сибири, где её основными сферами деятельности стали миссионерство и защита своих туземных прозелитов от самоуправства государственных чиновников и привыкших к произволу купцов. Так, крестителем хантов и манси стал святитель Филофей (Лещинский), занимавший митрополичью кафедру в Тобольске с 1702 по 1720 гг. Иерарх не только лично совершал миссионерские путешествия по долине Оби, но и нередко вступался за притесняемых чиновниками туземцев-христиан, представляя их интересы в судах. Ханты ещё в начале XX в. вспоминали: «Добрый был старик, народ в обиду не давал; комиссары и воеводы боялись его; остяков сильно любил; верный слуга Божий; святой был человек» [7; с. 153]. Его соправитель и преемник святитель Иоанн Тобольский (Максимович) преобразовал открытую в Тобольске предшественником славяно-латинскую школу

в Духовное училище, открытое не только для семинаристов-славян, но и для учащихся местного происхождения. Крестителем долины Ангары и духовным пастырем бурят считается святитель Иннокентий Иркутский (Кульчицкий), бывший епископом в Иркутске с 1727 по 1731 гг. За это короткое время иерарх успел не только открыть духовную школу, но и собственноручно написать несколько икон для Селенгинского монастыря. Любопытно, что все эти пастыри были представителями образованного, рафинированного малороссийского духовенства, но окунались в дела своей провинциальной паствы с таким же подвижничеством, как и святители Гурий Казанский (Руготин) и Феодосий Астраханский (Харитонов), не учившиеся в Киево-Могилянской академии ни дня.

Возникает вопрос: могло ли российское государство осуществить такую масштабную экспансию, не прибегая к духовной и социальной помощи Церкви? Наглядной иллюстрацией ответа может послужить ситуация, сложившаяся в XVII-XVIII вв. в Башкирии, формально относившейся к Казанской епархии, а по факту находившейся на далёкой периферии русской Церкви. В этом краю полным ходом шла политическая, экономическая и социальная экспансия, а вот религиозное миссионерство практически не велось. На протяжении XVII в. у башкир случались конфликты с русскими переселенцами и, особенно, с назначаемой из Москвы администрацией, но почти всегда эти неурядицы носили локальный характер и улаживались присылаемыми из столицы комиссиями. Однако ценой поддержания такого «гражданского мира» стал обособленный образ жизни башкир, которые на протяжении столетия практически не интегрировались в российское общество. Практически всё их взаимодействие с государством сводилось к своевременной выплате податей и редком привлечении местных аристократов к службе в качестве проводников и переводчиков. Ситуация радикально изменилась в первой половине XVIII в., когда государство начало масштабное политическое и экономическое освоение Башкирии. Уральские заводы, как принадлежавшие частным предпринимателям, так и управляемые напрямую чиновниками, придвинулись к землям башкир вплотную, а вскоре началось постепенное, но неуклонное выдавливание туземцев с территорий, понадобившихся промышленникам. На южном Урале баланс сил оказался нарушен основанием Оренбурга в 1743 г. Крепость имела важное стратегическое значение, но перекрывала пути сезонных перекочёвок и фактически лишала тех башкир, которые занимались скотоводством, средств к существованию. Ответом на российское политическое и экономическое освоение Башкирии стала череда восстаний, вожаки которых вдохновлялись прежде неизвестными в этих краях лозунгами исламского фанатизма [8; с.8-9].

Правительство принимало решительные меры по умиротворению края, чередуя самые различные методы. Так, директор уральских горных заводов, фактический правитель края В. Н. Татищев (1686-1750) тщательно разбирался в каждом инциденте и если карал главарей повстанцев, то исключительно в рамках законода-

тельства. Генерал Л. Я. Соймонов и полковник А. И. Тевкелев, наоборот, проводили безжалостные карательные экспедиции, в ходе которых погибло немало ни в чём не виновных башкир. Однако все эти меры приводили лишь к кратковременным успехам, а в долгосрочной перспективе башкиры всё сильнее отдалялись от государственных порядков. Именно политическое и экономическое давление побудило многих из них, включая аристократов, принять участие в Пугачёвщине. В частности, легендарный Салават Юлаев и его отец Юлай Азналин принадлежали к знатному башкирскому роду и присоединились к Пугачёву, во многом потому, что потеряли часть своих наследственных земель в ходе судебной тяжбы с промышленником Твердышевым [4; с. 169]. Однако учреждение в начале XIX в. Уфимской епархии значительно снизило градус социально-политического напряжения, а к середине столетия антирусских настроений в Башкирии уже практически не было.

В конце XVIII в. правительство Екатерины II приняло меры, серьёзно ограничившие социально-экономические возможности Церкви. Во-первых, секуляризация церковных земель фактически оставила высшее духовенство без средств. Вместо того, чтоб финансировать миссионерство, епископы оказались вынуждены просить от этом светских чиновников, которые далеко не всегда могли и хотели помочь. Во-вторых, принятый императрицей закон о веротерпимости предал исламу легальный статус, что значительно ограничило сферу деятельности Церкви в мусульманских регионах. Возможно, именно поэтому вошедшие в состав России в XIX в. народы Северного Кавказа и Средней Азии, традиционно исповедовавшие ислам, интегрировались в российское общество чрезвычайно медленно: ведь их вероисповедание охранялось законом, а значит, они вовсе не чувствовали себя уязвимыми или неполноценными по сравнению с христианами.

Впрочем, в XIX в. Церковь продолжала оставаться на острие имперской экспансии, используя те возможности, которые у неё всё-таки остались. К примеру, во время штурма Ташкента русскими войсками в 1865 г. победоносную атаку возглавил полковой священник протоиерей Александр (Малов), вооруженный лишь своим наперсным крестом, но, тем не менее, сумевший вдохновить солдат. После того, как город был взят и включён в состав Российской империи, протоиерей добился строительства в Ташкенте Спасо-Преображенского собора, в котором и продолжил своё пастырское служение [12; с. 339-341]. Это не значит, будто узбеки сразу же захотели принять православие, но появление православной святыни на только что завоеванных территориях означало сакральное освоение присоединенных земель. Другим примером содействия Церкви государственной политики является административная деятельность святителя Иннокентия Камчатского (Вениаминова), прошедшего путь от приходского священника в Русской Америке до митрополита Московского и Коломенского, фактически на пустом месте организовавшего православные епархии в Якутии, Приамурье, на Камчатке и Аляске [1; с.572]. Важно

отметить, что в обоих случаях духовенство действовало под собственную ответственность и исходя из собственных сил. Государство же лишь пользовалось результатами этих действий, не направляя их и почти не помогая. Ведь в XIX в. правительство уже не воспринимало Церковь как субъекта политики.

Мы кратко рассмотрели российскую экспансию XVI-XVIII вв. Какие её формы мы могли бы выделить? Подобно державам Западной Европы, Россия расширялась, сочетая экономическое, политическое и социальное влияние на заинтересовавшие корону территории. Однако Церковь действовала рука об руку с государством, сопровождая политическую экспансию религиозной. Причём, в Сибири, как мы убедились, духовенство нередко действовало по собственному усмотрению, идя на конфликт с местной администрацией и, тем самым, оправдывая доверие местных прозелитов. Государство же проявляло замечательную гибкость, в зависимости от нужд момента насаждая христианство или, наоборот, поощряя веротерпимость. Позиция Церкви не всегда совпадала с правительственным политическим курсом, но Церковь и государство непроизвольно дополняли друг друга. Думается, что российская государственность в традиционном (и единственном для неё возможном) имперском виде не может прочно существовать без того, чтобы православная Церковь играла в её жизни значимую роль.

Библиографический список:

1. Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников / И. П. Барсуков. – Псков : Союз писателей России, 2007. – 767 с.
2. Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Монография / А. Г. Бахтин. – Йошкар-Ола, 2008. – 252 с.
3. Исаков Д. М. Кряшены (историко-этнографический очерк) / Д. М. Исаков // Татарская нация: история и современность. – Казань : Магариф, 2002. – С. 108-125.
4. Лимонов Ю. А. Пугачёв и пугачёвцы / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панях. – Ленинград : Наука, 1974. – 187 с.
5. Липаков Е. В. Архипастыри Казанские. 1555-2007 / Е. В. Липаков. – Казань : Центр инновационных технологий, 2007. – 476 с.
6. Максим Грек, прп. Послание московскому великому князю Василию III о нашествии крымского хана Мухаммед-Гирея / Преподобный Максим Грек. Сочинения в 2 т. – М. : Индрик, 2008. – Т. 1. – С. 144-150.
7. Поселянин Е. Н. Русская Церковь и русские святые 18-го века / Е. Н. Поселянин. – СПб. : Изд-во И. Л. Тузова., 1905. – 320 с.
8. Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV-XVI вв. / Б. Р. Рахимзянов. – СПб. : Евразия, 2016. – 396 с.
9. Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. – М. : Государственная типография, 1913. – 331 с.

10. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737-1739 гг. / Н. В. Устюгов. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 155 с.
11. Хартли Дж. Волга. История главной реки России / Дж. Хартли. – М. : Эксмо, 2024. – 560 с.
12. Хопкирк П. Большая игра / П. Хопкирк. – М. : АСТ, 2023. – 576 с.
13. Шапталов Б. Н. Теория и практика экспансионизма: опыт сильных держав / Б. Н. Шапталов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 384 с.

R e f e r e n c e s :

1. I. P. Innokenty Barsukov, Metropolitan of Moscow and Kolomna. Based on his writings, letters and stories of his contemporaries / I. P. Barsukov. Pskov : Union of Writers of Russia, 2007. 767 p.
2. Bakhtin A. G. Formation of the Kazan and Kasimov khanates. Monograph / A. G. Bakhtin. – Yoshkar-Ola, 2008. – 252 p.
3. Iskhakov D. M. Kryashen (historical and ethnographic essay) / D. M. Iskhakov // Tatar nation: history and modernity. Kazan : Magarif Publ., 2002, pp. 108-125.
4. Limonov Yu.A. Pugachev and the Pugachevites / Yu. A. Limonov, V. V. Mavrodin, V. M. Paneyakh. Leningrad : Nauka Publ., 1974, 187 p.
5. Lipakov E. V. Archpastors of Kazan. 1555-2007 / E. V. Lipakov. Kazan : Center for Innovative Technologies, 2007. 476 p .
6. Maxim Grek, Rev. A message to the Moscow Grand Duke Vasily III on the legacy of the Crimean Khan Muhammad Giray / Reverend Maxim the Greek. Russian Russian Orthodox Church and the Russian Saints of the 18th century / E. N. Poselyanin. Works in 2 volumes - Moscow : Indrik, 2008. – Vol. 1. – pp. 144-150.
7. Poselyanin E. N. The Russian Church and the Russian Saints of the 18th century / E. N. Poselyanin. St. Petersburg : Publishing house of I. L. Tuzov, 1905, 320 p.
8. Rakhimzyanov B. R. Moscow and the Tatar world: cooperation and confrontation in the era of change, XV-XVI centuries / B. R. Rakhimzyanov. Saint Petersburg : Eurasia, 2016. 396 p.
9. The Code of the Sovereign, Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich. Moscow : Gosudarstvennaya tipografiya, 1913. 331 p.
10. Ustyugov N. V. Bashkir Uprising of 1737-1739 / N. V. Ustyugov, Moscow : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950– 155 p.
11. Hartley J. Volga River. The history of the main river of Russia / J. Hartley, Moscow : Eksmo, 2024, 560 p.
12. Hopkirk, P. The Big Game / P. Hopkirk, Moscow: AST, 2023, 576 p.
13. Shaptalov B. N. Theory and practice of expansionism: the experience of strong powers / B. N. Shaptalov. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 384 p.